

Глава - 3. Кто из вас Хансельв?

Утром, заваривая чай, Томет вспомнил, как ему ночью снилось, будто он беседует с персонажем какой-то компьютерной игры. Ему хорошо запомнилась эта сцена – в первую очередь благодаря своей абсурдности и несоответствию всему его рациональному опыту, всем тем установкам, которые он считал фундаментальными. “Почему я никогда не задумывался над тем, что какими бы фантастическими ни были наши сны, мы ощущаем себя в них совершенно естественно? Мы принимаем любую роль, предоставленную нам сновидением, как свою собственную, мы искренне действуем на любой сцене, в которую нас поместили подсознательные механизмы... К этому все привыкли, это никого не удивляет. Но почему никто не задумывается о том, что с той же самой легкостью, с которой нам подменяют реальность вымышленным антуражем и навязывают фантазмагорический сюжет, также могут подменить и самого актера этой пьесы? Судя по той легкости, с которой я действовал в этом бредовом контексте, это мое “Я” не имело ничего общего с тем, кто засыпал и кто проснулся. И, похоже, влияние опухоли здесь абсолютно ни при чем, потому что я сравниваю не себя-сегодняшнего с собой-вчерашним, а себя-спящего — с собой-бодрствующим.”

Томет знал, что спекулятивными приемами психоанализа можно объяснить все, что угодно, но именно поэтому он никогда не доверял этому методу толкованию сновидений — в первую очередь потому что кроме Зигмунда Фрейда, с его безразмерно-резиновым влиянием бессознательного, существовал также и Карл Поппер — с его принципом фальсифицируемости. Кроме того, Томет отлично понимал, что фрейдовская концепция не дает объяснения тому, почему в сновидении совершенно абсурдные и фантастические образы легко обретают статус само-собой разумеющейся данности — для того, чтобы воплотить символику бессознательных образов, не было никакой необходимости совершать подобную избыточную работу по тотальной трансформации контекста и всех участников сцены. Гибкость “Я”, которая позволяла ему принимать на себя любую роль и отыгрывать её в любой сцене, должна была обуславливаться иными причинами... И Томету уже начало казаться, что он понимает — какими именно.

Все свидетельствовало о том, что никакого “Я” не существует вообще. То, что называется личностью человека, на самом деле существует не дольше, чем тот сиюсекундный контекст, в котором она раскрывается. И когда этот контекст кардинально меняется, от предыдущего “Я” не остаётся ничего. Вероятно, догадался Томет, именно поэтому все окружающие так отчаянно стремятся достигнуть в своей жизни регулярной повторяемости всех явлений, прилагая усилия для того, чтобы каждое следующее мгновение их существования было точной копией предыдущего — таким манером они всего лишь реализуют собственный инстинкт самосохранения, осуществляют сохранность самости, создают себе устойчивое, неизменное во времени, значение.

“То, что мы называем самим собой, — думал Томет, бросая в чашку кубик льда, — в сущности, готово принять форму любого сосуда, в который его помещают, и раствориться без остатка в любом контексте... Как известно, даже убежденным и образованным атеистам снятся кошмары, в которых их пугают убедительные в своей подлинности черти. С одинаковой готовностью наша самость бросается отыгрывать любую доставшуюся ей роль — в любой абсурдной сцене, лишенной каких-либо связей с ее прошлым опытом, убеждениями и представлениями. Единственный остаток, который сохраняется

во сне от реального субъекта — это его темперамент, обусловленный физической организацией вместилища...” Тут у него в памяти всплыла одна беседа с их офисным программистом (ограниченным позитивистом и конъюнктурщиком, как, впрочем, все айтишники, которых он знал) — и метафора обрела четкую формулировку: “То, что мы считаем вместилищем нашего “Я”, в сущности представляет собой пустой компьютер, способный принять абсолютно любую программу, выполнять которую он будет с одинаковой самоотдачей — для мифической предустановленной операционной системы под названием “EGO”, которая бы управляла запускаемыми внутри нее процессами, в этой архитектуре нет ни места, ни необходимости...”

Томет еще долго сидел бы перед чашкой, размышляя о вещах, на которые его навело воспоминание о сне, но тут кунжутное печенье, которое он макал в чай, отломилось и плюхнулось в чашку. Он чертыхнулся, поднялся из-за стола и стал собираться на встречу с психотерапевтом.

Кабинет врача располагался в старинном здании, вход в которое скрывали высокие вишни, приятно затеняющие небольшую аллею, упирающуюся в ступеньки крыльца. В комфортной и уютной приемной царил тишина. У стены в мягких полукреслах дождалась своей очереди пара посетителей, поглощенных перелистыванием журналов. Перед дверью кабинета терапевта возвышалась стойка ресепшн, возле которой за монитором скучала блондинка с нефункционально гипертрофированными частями тела. В углу под окном на коврик дремала полосатая кошка.

По своей привычке, явившись на несколько минут раньше назначенного времени, Томет занял ближайшее кресло и принялся ждать своей очереди. Свободных журналов под рукой не оказалось. Ему оставалось лишь коротать время, наблюдая за присутствующими. Фокус внимания недолго искал точку остановки, двое пациентов, читавших журналы, не представляли для Томета никакого интереса — он воспринимал бы их как журнальные подставки, использующиеся для продажи дешевой прессы, если бы сами журналы, которые они изучали, не ассоциировались у него с рулонами туалетной бумаги. Взгляд Томета остановился на блондинке за стойкой — в ней жизни замечалось больше: уставившись на дисплей голубыми глазами, она периодически нажимала на кнопку мышки средней фалангой указательного пальца, увенчанного грандиозным ногтем. Похоже, она распределяла лайки в какой-то соцсети, повышая экзистенциальный уровень своему сетевому окружению. Это действие совершалось ею с удивительно стабильным интервалом, подобно идеально отрегулированному автомату конвейера. Приглядевшись, Томет обнаружил, что эту стабильность поддерживали вторичные манипуляции, осуществляемые ею в перерывах между кликами — после каждого нажатия на кнопку блондинка отправляла в свой рот багровую ягоду, которую вытягивала из розовой пиалы, располагавшейся слева от нее, затем дважды хлопала себя по щекам ресницами (как бы очищая сетчатку глаза от предыдущего визуального образа), после чего переходила к следующей картинке. Пока Томет любовался слаженной работой этого механизма, его мысли занимал лишь один вопрос: какую роль выполняли эти ягоды — являлись ли они компенсацией или подкреплением, в которых девица нуждалась при каждом лайке своих подружек?

Незаметно он погрузился в размышления: зачем он, собственно, сюда пришел? Да, у него стресс, и для психотерапевта он, несомненно, представляет богатый материал, однако — чего сам Томет хочет добиться этим посещением? Да, он мучается сомнениями в собственной идентичности, не говоря уже о том, что его восприятие окружающего мира далеко от адекватности — как он её помнит. "Но что я

скажу ему? Что там, где другие видят деревья, я вижу даже не лес — я вижу какой-то биоценоз, если можно так выразиться? Что прошу его помочь мне обнаружить себя в бессмыслице, частью которой он и сам является? Черта с два он меня поймет. Теми словами, которые составляют лексикон их вдохновенного бухтения, невозможно выразить что-либо, кроме тех проблем, к которым они уже привыкли... и которые этим же языком и творятся. Я хорошо знаю, что даже когда оба собеседника разговаривают на общем языке, и один из них понимает то, что хотел сказать другой, все равно конечные картины у обоих будут совершенно различны. Причем, они при этом не будут противоречивыми — они просто будут совершенно чуждыми, находясь в разных концептуальных плоскостях... Как если бы кто-то излагал формулу нахождения точек Лагранжа, а его слова воспринимались бы как рецепт запекания яблочного пирога... О чем тут рассуждать?"

Задумавшись, Томет, как это уже случалось с ним в последние дни, куда-то провалился, потеряв связь с окружающей его обстановкой и совершенно забыв о том, где он находится. В реальность его вернул лишь повторный окрик девицы: "...Хансельв! Кто из вас Хансельв?" Томет поднял голову. "Ваша очередь." Он выбрался из кресла и поспешил в открывшуюся дверь.

Кабинет психотерапевта оказался довольно банальным: коврик — копия собрата из приемной, спокойная цветовая тональность и закругленные углы у немногочисленной мебели. Все способствовало созданию интимной и доверительной беседы, которая должна возвращать пациента в лоно здравого смысла. Больше всего к этому располагало рафинированно заурядное лицо самого психолога. Единственным ярким пятном в кабинете было открытое окно, в которое заглядывала ветка вишневого дерева, радующая глаз вкраплениями созревших ягод на фоне зеленой листвы, подсвеченной косыми лучами утреннего солнца.

Беседа началась предсказуемо скучно. Расспросив Томета о его предках и убедившись, что ни он, ни его родители не страдали от наследственных заболеваний, не злоупотребляли наркотиками, не были замечены в склонности к бродяжничеству и не ловились на кражах мелочи, психотерапевт профессионально понизил тон и предпринял попытку добиться от него рассказов о психологических травмах и шокирующих событиях из раннего детского периода. Однако, как Томет ни старался, ему не удалось облегчить терапевту его работу — повествовать оказалось не о чем.

Тогда доктор попросил его предельно тщательно изложить проблемы, с которыми он пришел. Несмотря на то, что Томет больше всего боялся именно этой задачи, справиться с ней ему удалось без особых затруднений — поведав в двух словах об обнаружении опухоли, он затем поделился событиями из своего прошлого и в несколько минут изложил наиболее волнующие моменты самого свежего своего опыта. Чем дальше он говорил, тем уверенней и спокойней становилось выражение лица врача — казалось, Томет пересказывает ему выученную наизусть главу из хрестоматии.

Когда Томет замолчал, терапевт выдержал паузу, к которой его обязывал сертификат, украшавший стену за его креслом, и сказал:

— Судя по вашей речи, человек вы образованный, поэтому буду говорить с вами без обиняков, — произнося эти слова, доктор изобразил на своем лице открытость и ободрение, — Если я правильно

вас понял, все началось с момента обнаружения у вас этого образования? — он кивнул в сторону лба Томета.

— Да, — ответил Томет, — однако, мне кажется, что операция позволила мне лишь узнать о его влиянии, хотя сами изменения начались много раньше.

— Безусловно, так вам и должно казаться, — улыбнулся психотерапевт, — вы переосмысливаете свой опыт в категориях новых установок, с учетом новой информации, поэтому вам *кажется* (как вы правильно выразились), что он несет именно такой смысл. На самом же деле — давайте проведем мысленный эксперимент и представим себе, что было бы, если бы вы не посетили хирурга и не видели своей липомы? — он сделал акцент на этом слове, как бы подчеркивая, что ее следует трактовать так, и только так, — Ведь очевидно, что вы бы сейчас совершенно не беспокоились на счет того, что кто-то управляет вашими мыслями.

Томет покачал головой:

— Не совсем так, доктор. Скорее — совсем не так. Я не утверждал, что моими мыслями кто-либо управляет, у меня и в мыслях не было думать такое... — он кисло улыбнулся своему плеоназму, помолчал, подыскивая доступную метафору, и добавил, — С вашего разрешения, попробую такой образ: я не утверждаю, что в автомобиле появился новый водитель. Лучше сказать, что я не уверен в том, что сигналы на приборной панели адекватно отражают состояние машины и направление, в котором она едет. Не говоря уже о том, что ландшафт за окном я порой совершенно не узнаю.

— Хорошо-хорошо! — поднял руку терапевт, — Я вас понял. Хм... — он задумчиво покрутил пальцами карандаш и, подумав с минуту, произнес, — Сперва я думал, что это типовой образец диссоциативного расстройства идентичности — не самого распространенного, но достаточно известного. Однако, похоже, ваш случай в это определение не вкладывается. Обычно такие пациенты жалуются на несколько личностей, соседствующих друг с другом, а вы, насколько я понял, переживаете, что перестали узнавать ту, которая... Да-да? — перебил он самого себя, видя, что Томет желает что-то сказать.

— Я бы не сказал, что не узнаю ее, потому что, согласитесь, для узнавания требуется быть уверенным, что сохранена какая-то константа, некий шаблон или образец, которые хранятся в каком-нибудь “недоступном” для любых посторонних воздействий месте памяти или личности — не важно, в каком. Вы меня понимаете?

Терапевт кивнул, хотя от последней реплики Томета его лицо несколько окаменело, а губы сжались.

— Так вот. Ввиду того, что подобных мест не существует, мне нет смысла обращать внимание на степень узнаваемости себя-прежнего собой-нынешним — результат этой “очной ставки” мне ничего не даст. Меня беспокоит, что на фоне появления этой опухоли я, похоже, потерял ощущение каких-то важных категорий, которые создают различия между окружающими объектами... и субъектами. А они-то, доктор, изменяться не должны!

Произнеся это, Томет замолчал и подался назад в кресле, показывая своим видом, что мяч теперь на стороне собеседника. Однако, судя по его застывшей мимике, терапевт пока еще не представлял, в какую сторону этот мяч катить. Чтобы не терять лицо и выиграть время, он решил пожонглировать им, демонстрируя свое мастерство:

— Безусловно, само по себе впечатление от вашей липомы не могло дать вам ничего, кроме невроза навязчивого состояния, но этот невроз никогда бы не появился без соответствующего контекста, без питательной почвы. Другими словами, у вас уже изначально было нечто, готовое для того, чтобы проявиться, приняв форму этого расстройства.

Томет с готовностью кивнул, думая лишь об одном: имеют ли они с доктором в виду одно и то же.

— По-моему, за ответами на ваш вопрос даже не обязательно обращаться к психотерапевту, потому что — кем бы вы сами ни были, вы всегда можете смело утверждать, что вы — Хансельв, вы — Томет. И никто этого не сможет оспорить до тех пор, пока вас не подменит физически другой субъект, с иным опытом. До тех пор, пока вы верите в то, что вы — это *вы*, вы существуете.

— То есть, достаточно одной лишь моей веры в себя?

— Безусловно! — оживился терапевт надеждой на то, что нащупал верную дорогу, — Я вам скажу, как здоровый человек — здоровому человеку (каким вы, несомненно, являетесь): главная функция психотерапевта заключается именно в том, чтобы заставить пациента поверить в себя. Во всех смыслах этого слова.

— И это означает, что наше с вами “Я” — это не более, чем наша собственная вера в то, что оно существует, — сказал Томет, внимательно глядя на собеседника.

— Ну, не только наша, — доктор поспешил задрапировать профессиональной улыбкой прорехи в своем тезисе, — но и окружающих тоже. Вы ведь не можете жаловаться на то, что окружающие перестали видеть в вас — вас самих?

Томет отрицательно мотнул головой.

— Вот! А это значит, что все в полном порядке! — торжествуяще подытожил терапевт.

Томет вздохнул и сказал:

— Я пришел к вам потому что я сам перестал видеть в них тех, кого видел раньше. Я с радостью бы опирался на окружающую реальность — чтобы вычленил из нее себя самого... если бы она осталась для меня той же, какой была раньше, и какой, судя по всему, осталась для всех остальных... — здесь он прервался, почувствовав, что начинает повторяться, и что повторения эти ничего нового не добавят. Он не услышал то, что ему ответил врач — его внимание отвлек внезапный порыв ветра за окном. Томет рефлекторно взглянул в ту сторону и обнаружил на вишневой ветке полосатую кошку, которую до этого он видел спавшей на коврик в приемной. Кошка вскарабкалась до развилки в ветках вишни и

замерла, стряхнув пару ягод, которые, ударившись о подоконник открытого окна, свалились на ковер, застилающий пол кабинета. Проводив их взглядом, Томет вернул свое внимание к речи терапевта.

— ...уже одно то, что вы понимаете сложность своего положения, то, что вы осознаете эту проблему и самостоятельно решили прийти ко мне для ее решения, позволяет утверждать, что вы — здравомыслящий человек, отдающий отчет в своих действиях и ничуть не утративший самостоятельности в поступках...

На этих словах Томет оторвал глаза от вишни на коврике и посмотрел на собеседника. То, что он увидел перед собой, едва не заставило его забыть возражение, готовое сорваться у него с языка — вместо благообразного психотерапевта, прямо над в креслом, где он до этого находился, мерцала преломляющаяся пустота, вибрировавшая множественными воронками, уходящими куда-то вглубь, далеко за пределы ограничивающих пространство кабинета стен. С трудом сдержавшись, чтобы не вскочить со своего места, Томет заставил себя всмотреться в этот сгусток — и в этот момент что-то насторожило его, какое-то предчувствие или интуитивное ощущение... Его поразило собственное отношение к тому, что он видел — какое-то удивительно интимное приятие этой пустоты, странное доверительное чувство, природу которого он никак не мог определить. Он ощутил, что его тянет описывать этот сгусток при помощи личного местоимения первого лица, и тут же понял, что перед ним — не отражение его, не копия и не продолжение, а — он сам. Одновременно с появлением этой уверенности, ощущение беседы исчезло и диалог сколлапсировал в монолог — достаточно привычный для Томета по своему характеру, но впервые визуализировавшийся столь необычным образом.

Томет собрал свою волю и, не желая разрушать остатки бывшего контекста, сформулировал ответ так, чтобы он был приемлемым вне зависимости от того, кому он его сейчас адресовывал:

— Только что мы выяснили, что для того, чтобы я мог считать себя самим собой, мне достаточно верить в это. То же самое — в моем отношении к окружающим и их самим — ко мне. Однако проблема в том, что для того, чтобы все это делать, мне приходится сейчас совершать сознательное усилие. В котором, насколько мне известно, нормальный человек абсолютно не нуждается — у него это реализуется автоматически, инстинктивно, безмысленно, рефлекторно. Без этого усилия я не могу включиться в их реальность и принять их масштаб событий.

Томет ответил:

— Уважаемый мистер Хансельв, давайте все-таки отделим мух от котлет. Как правило, к психотерапевту не ходят для того, чтобы переписать свою наследственность, изменить свою физиологию, переиграть эпизоды своего детства, сбросить балласт своего фенотипа, исправить свои неудачи в карьере или отменить проигрыши на бирже. К нему ходят для того, чтобы избавиться от психологических травм, которые возникают на фоне переживания всех этих событий и явлений. Я убежден, что и вы пришли сюда не для того, чтобы вас избавили от вашей липомы, от вашего темперамента интроверта, от вашей склонности к рефлексии, от вашей тенденции усложнять очевидное, но — для того, чтобы вам подсказали, как научиться жить со всем этим грузом (который, надо заметить, есть абсолютно у всех), как сделать его необременительным, маскируя его или преобразуя его энергетику в неструктивную форму...

— Прошу прощения, — перебил Томет, протестуя поднимая руку, — но если ограничиваться такими костылями, то подобная терапия ничем не будет отличаться от бутылки виски или коньяка... — Томет попробовал улыбнуться для смягчения резкости параллели, но тут же сообразил, что в беседе с самим собой можно не беспокоиться о подобных мимических виньетках.

— Что ж, если глядеть на вещи с такого угла, можно сказать и так. Дело вкуса! Исторически сложилось, что в одних культурах прибегают к одному средству, в других — к другому. Можно вообще пойти в церковь на исповедь — результат будет тот же. Главное — чтобы терапевт или шаман разделяли с пациентом его концептуальный набор, его парадигму восприятия действительности... К алкоголю это требование, само собой, не относится. Возможно, именно поэтому данный способ наиболее популярен...

“А можно вообще прекратить искать реперные точки в том, что творится тобой самим, для проверки аутентичности себя самого, — слушая себя, думал Томет, — Сейчас, когда не только границы моего “Я” утрачены, но когда сама физическая реальность плывет и рушится с каждым новым днем моего опыта — как я могу надеяться, что во всем этом аморфном океане для меня вдруг кристаллизуется некий спасительный айсберг, создав точку отсчета или вернув прежние критерии прочной суши? Ни один собеседник не вернет мне утраченную парадигму и не восстановит прежний концептуальный набор. Между мной самим и каким-либо посторонним терапевтом нет и быть не может ни единой системы ценностей, ни общих механизмов восприятия. А все попытки собеседования самого себя самим собой — это претензии барона Мюнхгаузена на вытаскивание себя из болота за собственные волосы. Может быть я уже и не Томет, но точно еще не Мюнхгаузен...”

Он поднялся со своего кресла, продолжая слышать речь собеседника, источник которой тут же стал затухать, размываясь в азимутальной развертке. Томет попрощался с самим собой и покинул кабинет, старательно обходя лежавшую на коврике вишню, словно она была живая.

Остаток дня он шатался по городу, уже не стараясь бороться со своими ощущениями и не пытаясь привести их к какой-то норме — впрочем и представление о ней к этому моменту у него уже настолько ослабло, что это было попросту невозможно. Возникавшие перед ним образы уже не казались ему абсурдными, в них была какая-то система, своя логика, составляющая какую-то картину, о масштабах которой он даже боялся подумать. Но иногда его поражали совершенно неожиданные наплывы ощущений — даже в метафорическом смысле он отказывался их понимать, сознавая при этом, что они наполнены каким-то значением, и что доступ к нему блокируется какими-то остатками защитных механизмов его прежней психики.

Однажды он забрел в университетский городок и увидел себя в окружении разноцветной молодежи, деловито снующей по разветвленным аллеям, связывавшим здания классической архитектуры с современными кампусами. Судя по одежде и поведению, некоторые из них были аспирантами, а может даже молодыми докторами с превосходно защищенными диссертациями, в то время как остальные вели себя как студенты первых курсов. Озелененные без чрезмерной строгости форм скверы облагораживали атмосферу, созданную для созревания интеллекта и мотивации его носителей на творческое раскрытие своих способностей.

Томет развалился на одной из скамеек, надеясь хотя бы здесь, вдали от опостылевшей рутины обывательщины, так раздражавшей его в центральной части города, отдохнуть и сосредоточиться на своих мыслях. Глаза его залюбовались ближайшими деревьями, в которых он по плодам узнал шелковицу. Ему нравилась эта ягода, сейчас был как раз сезон ее созревания. Взгляд сосредоточился на листьях, среди которых он обнаружил множество копошащихся гусениц. “Тутовый шелкопряд, — догадался Томет, — Надо же, как его тут много...” Он всматривался в крону дерева, обнаруживая, что все листья плотно обсажены желто-белыми червячками — каждый из них деловито обрабатывал свой периметр, безостановочно работая мелкими челюстями и поглощая живительную клетчатку. Каким-то непонятным образом Томет мог отчетливо видеть каждую деталь этой сцены, не теряя при этом общей картины: он мог наблюдать за каждой гусеницей, жадно обрабатывающей выбранный ею лист, не упуская из виду остальных, оккупировавших кроны деревьев. Вместо хруста мелкого гравия под кроссовками студентов, бродивших по зеленым аллеям сквера, в ушах Томета стоял теперь отчетливый хруст челюстей, которыми эти жадные извивающиеся комочки живого протеина поглощали запасы клеточной энергии, накопленной для них в ветвистых кронах шелковицы... Некоторые гусеницы уже успели накушаться зелени и теперь, извиваясь, выпускали их себя нити липкой паутины, сворачивая вокруг себя блестящие серебром коконы. Почему-то не гусеницы, а именно коконы привлекали внимание Томета — он ощущал, что составлявшая их паутина была более реальной и, если можно так выразиться, обладала преимущественным существованием, чем гусеницы, которые её плели. Гусеницы строили коконы, используя их для завершения своего жизненного цикла, однако — Томет готов был поклясться — сами они являлись лишь расходным материалом, в то время как остающаяся после их циклической ротации шелковичная нить скатывалась в какие-то немыслимые конструкции, внутри которых обнаруживались странно знакомые повторяющиеся паттерны и самоподобные фрагменты. Некоторые из них были поистине огромны — сам Томет мог бы поместиться в них целиком, потерявшись среди бесчисленных геометрических пересечений этих отблескивающих нитей...

Он рывком поднялся со скамейки и испуганно огляделся по сторонам. Студенты продолжали бродить по аллеям, доктора наук и профессора все так же шествовали по дорожкам, бросая солнечные блики лакированной кожей портфелей и глянец пластиковых папок — вокруг ничего не изменилось, однако Томет поспешил покинуть это место. На фоне событий последних двух дней то, что он только что пережил, не содержало в себе чего-либо особенно пугающего, и, вероятно, являлось всего-навсего следствием какой-то аберрации зрения, несомненно, спровоцированной его опухолью. Однако в увиденном чувствовался какой-то чудовищный подтекст, все сильнее ощущавшийся где-то внутри него — настолько глубоко, что характер этого переживания он даже не пытался выразить доступным ему языком.

Возвращаясь домой, Томет шел уже не по улицам со знакомыми лицами, в которых еще совсем недавно он легко узнавал граждан одной из самых благоустроенных стран мира — вместо этого он огибал какие-то участки бесконечно повторяющейся структуры, то углубляясь в одну рекурсию самоподобия, то меняя ее на соседствующую, характер вариаций которой приближал его к цели — к тому, что еще вчера он называл своей квартирой. Иногда к нему возвращалось привычное восприятие, но оно лишь подчеркивало несопоставимость масштабов и невыразимость одного средствами и словарями, созданными внутри другого. Эти две картины никак не противоречили одна другой,

возможно, они лежали в разных плоскостях — причем, вторая, недавно обретенная плоскость, объединяла противоположные элементы первой в каком-то единстве, которое можно было бы назвать гармоничным, если бы способ их объединения и те эмоции, которые оно вызывало у Томета, еще хранившего память о прежнем мире, не казались ему чудовищно неприемлемыми для любого живого существа. Паттерны и фигуры складывались в какие-то образы, для цельного восприятия которых у Томета не оказалось ни готовности, ни смелости... Он ощущал неприятие этого нового, готового открыться ему, его сковывал животный ужас от того, что оно отрицало саму человеческую природу, ужас, доходящий до тошноты... — но тут видение отступало и Томет ненадолго возвращался в норму.

На улице был уже глубокий вечер. Томет стоял перед светящейся витриной казино и пытался понять, что его здесь задержало. Да, точно — расхожие символы азарта, украшающие стекло, напомнили ему об одном фэнтезийном романе, в котором главный герой, используя игральные карты, менял реальность силой воображения, добиваясь собственного перемещения между референсами какого-то универсального и единого прототипа. Томет рассмеялся над наивностью автора — очевидного объективиста. Впрочем, этот объективизм для самого Томета сейчас являлся недостижимой мечтой — похоже, что в этой парадигме получалось уютно существовать всем, кроме него самого. Лично у него уже не осталось никаких сомнений в том, что реальности не существовало. Как и самих наблюдателей.

Неподалеку вокруг ночного фонаря роилась мошкара, над которой, посвистывая, закладывала виражи ночная мышь. Томет с минуту наблюдал за ее эволюциями, когда она, совершив вдруг резкий пируэт прямо перед его лицом, хлопнула крыльями и, перевернувшись вверх ногами, повисла на ветке. Тут же на него сверху уставились двое блестящих бусинок ее внимательных и настороженных глаз. Несколько секунд Томет и мышь, не шевелясь, изучали друг друга. “Интересно, кого она видит? — думал Томет, глядя на мерно дышащий кожистый комочек, — Вижу ли я вообще ее глазами? Вероятно, я для нее не более, чем часть пейзажа, как эта скамейка... А смогла бы она узнать себя, если бы увидела себя с моего ракурса?”. Сорвавшись с ветки, мышь спикировала на Томета, едва не задев его крыльями, и взмыла вверх, растворяясь в пустоте ночного неба.

Посещение психотерапевта, как это ни удивительно, помогло Томету — его переживания по поводу того, что с ним произошло, практически сошли на нет. Было ли это следствием элементарной вербализации проблемы или же доктор во время беседы на самом деле успел подбросить ему удачную идею (сейчас Томет уже не помнил ни одной), но той неопределенности, которая его мучила еще утром, у него уже не было. Теперь он был твердо убежден в том, что до тех пор, пока он носит под своей кожей это чужеродное образование, восстановить предыдущее восприятие себя самого и окружающего мира ему не удастся. Он понял источник своей тревожности, природу всех страхов последних двух дней и основание для той паники, которая вчера погнала его из праздной толпы — подальше от очередных свидетельств его отличия от окружающих, от нормальных людей. Все эти новые переживания, всё то новое содержание, которое он сейчас открывает в каждом взгляде вокруг и внутри себя, все те странные метаморфозы, которые периодически происходят с ним и которые его заставляют усомниться даже в сохранности законов природы — всё это не пугало бы и не отталкивало Томета, если бы он не знал, что причина этого заключена в чуждой ему опухоли. Возможно, Томет не отторгал бы этот новый опыт, если бы не сознание того, что он целиком и полностью обусловлен чужеродным организмом, превратившим его из здорового человека в непонятно кого, в какое-то

чудовище. И пока еще окружающие не успели узнать, какими чудовищами они кажутся ему самому, следует как можно скорее избавиться от этой опухоли.

Завтра он идет к хирургу и, не слушая никаких возражений, убедит его вырезать все, до чего только сможет дотянуться его скальпель.

продолжение следует

© Валентин Лохоня 2019.09.01
<https://nonnihil.net>